

Эпизод \[145й]////

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЫЛЬЕВ

- >> Курсант Вова Получкин
- >> О том, как интересно иногда подслушивать
- >> Полковник Каменский
- >> Разнос из Рогани
- >> Начальник училища комбриг И.Е. Богослов
- >> Зачёт штурману
- >> «Есть они, вот такие друзья!»

11 октября 1972 г. (среда)

— *Даже коту такой режим осточертел!* Из фр. худ. к/ф-ма «Хищники»

После построения Галага вышел перед строем.

— Кубрик лётчиков убирают: Кручинин и... и Получкин!

— Алё! — возмутился Вовка Получкин. — А чего я?

Я промолчал. Мне все эти страсти просто по х*ю!

•>> [Через год на третьем курсе, мы летали на полевом аэродроме Левковка. И я не помню ни одного случая, чтобы курсанты назначались убирать лётные домики инструкторов. Лётчики-инструкторы по очереди убирали за собой сами!] <<••

Сходили на завтрак. До предварительной час времени. Я достаю книгу и углубляюсь в чтение.

Подходит Получкин.

— Пошли убирать кубрик пилотов.

— Иди! Я своё отубирал!

— Алё! А чего я должен за тебя убирать? Тебя же назначали тоже! Что, я должен за двоих пахать!

— Паши за одного!

Поднимаюсь и с книгой ухожу в библиотеку. Усаживаюсь за стол.

Вовка – следом.

— Хорош выбениваться! Уберём быстро, потом почитаешь! — И он кладёт пятерню мне на плечо.

В библиотеке появляется Галага. Ему, конечно же, тут же захотелось полистать здесь подшивки газет!

— Так! Руку убрал! — и я посмотрел на Получкина со злостью. — Ты что, сейчас драться будешь со мной в библиотеке за то, что я отказался с тобой убирать у лётчиков?

— Ребята! — встrepенулась библиотекарьша. — Драться – на улицу. Иначе оба окажетесь на гауптвахте!

Перед нами за столом сидели Володя Рубан и Евгений Щербаков.

Рубан оборачивается к Получкину:

— Ну, сказал тебе Кручинин, что не пойдёт! Чего ты скандал здесь затеваешь?

— Алё! А чо ты лезешь из другого звена? Я что должен пахать за двоих?

— Алё, Получкин! — в тон отвечает ему Женька Щербаков. — Я что-то никак не припомню, чтобы ты возмущался, когда у вас Кручинин каждый день без всякой очереди убирал у лётчиков!

Его поддержал Рубан:

— Тебя устраивало, что это делаешь не ты! Но вот тебя назначили в кои веки повозить там тряпкой и у тебя к нему появились претензии! Иди к вашему кзээ и требуй, чтобы тебе дали другого напарника для уборки, так как Кручинин отказывается убирать!

Получкин постоял, поразмыслил и вышел, зло хлопнув дверью.

— Спасибо, мужики! — проговорил я.

Они обернулись ко мне. А я, показывая на Галагу взглядом, продолжил:

— Ребята, если вам потом у меня за спиной станут нашёптывать, как плохо я о вас думаю или ещё что-то в этом роде, знайте, что это – поклёп! Позовите меня и пусть эта гнида при мне повторит эти слова, якобы сказанные мной!

Рубан и Щербаков посмотрели на Галагу, переглянулись и, кивнув, продолжили листать свои журналы. Румын, стиснув зубы, расхотел читать газеты и вышел вон. <<•>•
•<•>>

Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается. □ Джордж
Бернард Шоу

<<••>>

Ищу того, кто крылья мне вернёт...

Из записных книжек курсанта

Прошла предварительная. Трошин в экипаже ставил задачу на полёты: кто, куда и по каким упражнениям запланирован на завтра. Само собой, я не летаю. Наши готовились, расписывали в тетрадях упражнения, а я просидел два часа просто так, демонстративно полистывая старый зачитанный до дыр журнал «Старшина – сержант» да так, будто ничего в жизни более интересного не встречал.

Вообще, конечно, странно всё это! Когда Мельников поймал наших выпивох, помнится, их (за пьянку!) отстранили всего лишь на неделю. А меня отстраняют то на месяц, то до конца лётной программы! За что? Вот уж действительно, я – самый грубый нарушитель воинской дисциплины! Грубее не придумаешь! Уж лучше бы я пил! Может, зная за собой такое поведение, я был бы поговорчивее? С подонком Галагой, например...

После предварительной прошёлся по дороге на аэродром и обратно (тут никого не встретишь, и никто не отвлекал меня от размышлений). Вспоминал свои полёты в Круче и здесь. И я представлял, как запускаю двигатель, как выруливаю, как взлетаю. Как прихожу в зону и как начинаю пилотировать. Как возвращаюсь, как захожу на посадку и как сажусь. Хоть в мечтах полетать! Если бы я сейчас учился на разведчика... Разве там могло быть что-то подобное, несправедливое? Ведь разведка – это элита Вооружённых Сил! Там самые умные, самые честные, самые справедливые люди!..

Время подходило к ужину. Возвращаюсь в казарму. Сходил, вымыл руки. И собирался отнести мыло и полотенце в свою тумбочку, как из каморки дежурного по полку выглянул старший лейтенант Пособилов (фамилия подлинная):

— Кручинин, не в службу, а в дружбу: позови кого-нибудь из моего экипажа! Только быстро!.. А, чёрт! Не успеешь! Посиди ты у телефона, мне в туалет смотаться надо! Живот прихватило!

— Ладно, товарищ старший лейтенант, посижу!

Пособилов, приговаривая: «Диарея, диарея! Я успею, я успею!», будто реактивный, улетает в сортир проср*ться. А ваш покорный слуга, покосившись на стул, на котором только что сидел сей офицштуцер (не заразиться бы через задницу!) усаживается на место дежурного по полку.

На старом, выдавшим виды столе стоял телефонный аппарат ТА-57, сбоку стопкой лежали потрёпанные уставы, книга приёма и сдачи дежурства, замызганная рабочая тетрадь дежурного по полку и открытый журнал «Авиация и космонавтика». Кстати, свежий номер, я такой ещё и не листал! Начинаю просматривать заголовки статей и фото в журнале.

В коридоре мимо комнаты дежурного по полку проходит (узнаю по голосу) Юра Изаев из первой эскадрильи. Он громко напевает:

— *Я ждала и верила,*

□□□□ *Думала рожу.*

□□□□ *А пошла, проверила –*

□□□□ *С триппером хожу!..*

Улыбаюсь. Ну, Изаев, ну, скворец!

Меня привлекает приглушённый, но довольно отчётливый говор из штаба эскадрильи через тонкую перегородку. Всё слышать! Голос Барановского, видимо, он с кем-то говорит по телефону: слышны наши курсантские фамилии, количество полётов, часы и минуты. Тут ещё обращаю внимание на журчание в трубке телефона. Снимаю трубу и, не нажимая клапана микрофона, прикладываюсь к наушнику, продолжая листать журнал. Голос начальника штаба эскадрильи стал слышен чётко. Так и есть! Барановский передаёт кому-то в Рогань налёт курсантов за предыдущую лётную смену. Ведь у дежурного по полку телефон подключен параллельно со штабами эскадрилий. Я уже хотел, было, оставить трубу в покое, как пошёл очень даже интересный разговор.

— Так! Это я принял!.. Барановский, ты мне скажи, почему такой маленький налёт

по сравнению с другими у Булыгинова, Щербакова, Ласетного, Белобородько, Ровенского, Рубана? Кто там ещё? У Кручинина, Бархомова? Что вы гоните пустой налёт Паландину, Передышко, Липодецкому и другим, а эти у вас, почему не летают?

Барановский:

— Товарищ полковник, это не ко мне! Я планированием [полётов] не занимаюсь!

Полковник:

— А ну, давай мне сюда Мельникова!.. — и он смачно выругался: — Бл*дь! Что ни спросишь, ответственного ни х*я не найдёшь!

— Владимир Александрович! К телефону! Полковник Каменский...

...

— Слушаю, товарищ полковник! Здравия желаю!

— Здорово, Мельников! Ты почему своим передовикам гонишь пустой налёт, а курсанты, которые имеют маленький налёт, у тебя не летают? Почему ты это не регулируешь? Кто за этим будет смотреть? Павел Степанович Кутахов? Мне уже надоело перед начальником училища оправдываться и говорить: «учтём, товарищ генерал!», «исправим, товарищ генерал!» Ну вот, кого у тебя взять? Кручинин, например, почему он у тебя сейчас мало летает? Момент!..

«Так-так-так-так их, товарищ полковник!»

— Вот! В Круче он вылетел [самостоятельно] в числе первых, летал хорошо, вровень с остальными! А теперь по общему налёту отстаёт. Я спрашиваю, — и на повышенных тонах, — ёб вашу мать, по-че-му!!

— Потому что, размандяй!

— Я тебе дам, «размандяй»!!! — заорали из Рогани да так, что невольно подумалось: сейчас погорит весь телефонный кабель, который соединяет Миргород с Харьковом. Но, по-видимому, наш кабель был сделан из какого-то особого сплава: он выдержал! — Второй курс и курсант у него – размандяй! Это у него инструктор размандяй, что не может воспитать подчинённого!

С этого места, предчувствуя интересный диалог, я, улыбнувшись, быстро достаю свою ручку и на чистом листе рабочей тетради дежурного по полку начинаю привычным бисером стенографировать слышанное.

— Так, он там штурману новый район полётов никак не сдаст. И... И по бабам по ночам бегают!..

От такой наглой лжи ручка у меня чуть было не выпадает из рук, я медленно поднимаюсь со стула, едва не нажал на клапан разговора и не закричал в трубу:

— Кто бегают по бабам?! Я бегаю?! Вы что там, все с ума посходили?! Когда это было в последний раз?! В Круче?! В июле или в июне?! Да я только и делаю, что мечтаю о том, чтобы кого-нибудь трахнуть, и спускаю, сдерживая стоны, в антисанитарных условиях туалета! Ты посмотри: я у него по бабам бегаю! Ну, наглёж! Отъеб*те его, товарищ полковник! Я вас прошу! Чтоб врать вам неповадно было! А я послушаю и возрадуюсь!..

А товарищ полковник продолжал греметь в телефоне:

— Кто там у него инструктор?

— Старший лейтенант Трошин.

— Так вот, ему передай...

Я медленно стекаю обратно на стул, и слышу через тонкую стенку из сухой штукатурки, как Мельников, видимо, оторвавшись от трубы и отпустив клапан

микрофона (чтобы, значит, полковник и я на том конце провода не слышали!), кричит:

— Трошин! Трошин! Ёб твою мать! Иди сюда! П*здобол! Становись рядом и слушай! Это тебе тоже будет нелишним!

А полковник продолжает разоряться:

— ...что это он, Трошин – мудака! Ни х-х-х*я не умеет учить курсантов, ни х-х-х*ра не может воспитывать и п*здопротивный он у тебя педагог! Что вы там с Рассадковым в курсантских ж*пах колупаетесь²? Экзамены по новому району полётов курсантам устроили, как, еб*на мать, абитуриентам при поступлении в МГИМО! Спрашиваете какие-нибудь П*здюковку да Х*ёвку, которые на карте под микроскопом не увидишь!? Учите основному! Вот Москва, вот Харьков, вот Полтава, вот Миргород! Здесь трасса Харьков – Одесса и железная дорога к Чёрному морю! А это река Хорол! Всё, район сдал, зачёт принял! А вы, бл*дь, что делаете?! Я вот приеду в гарнизон и устрою вам экзамен по миргородскому району полётов! Тебе, Мельников, Рассадкову, этому твоему мудиле Трошину! И посмотрим, как вы мне его, в ж*пу, нарисуете по памяти! Под моим, еб*на вошь, недрёманным оком! Вы – лётчики и то вряд ли сдадите мне зачёт по новому аэродрому, если спрашивать с вас как полагается, по всей строгости! А это – при п*зде кувшинчик³ курсант! Он без году неделя, как летает! Ты меня понял? Или мне приехать? Так, я завтра у вас буду!

— Товарищ полковник!..

— Ничего не хочу слышать! Если я генералу отвечу так, как вы мне сейчас втираете, – послетаете все с должностей к ёб*ной матери – и ты, и твой Рассадков! И я вместе с вами! Все на пенсии досрочно окажемся! Технику и оборудование Кручинин хорошо знает? Умеет использовать АРК? В случае отказа радиокompаса по «Прибою» на точку выйдёт? Хоть этому вы его научили?.. Погоди, погоди! Да знаю я вашего Кручинина, ёб! В Круче я с курсантами беседовал по приказу начальника училища. Это не тот, что во время моего приезда к вам в гарнизон в начале июля без запинки отвечал на мои вопросы по авиатехнике и особые случаи как по писанному излагал, а потом ещё другим подсказывал? Я ещё сказал, что если будет подсказывать, выгоню его из класса! А потом взял и выгнал – так он мне своими подсказками надоел!

— Да, кажется, он!

— Какой, «кажется»? Он и есть! Ну? Толковый курсант! Что вам, бл*дь, ещё нужно? Вы что там, без моего контроля совсем ох*ели? Научите его тому, что вы сами умеете по ведению ориентировки [в полёте]! И чтобы уходил в [пилотажные] зоны и приходил на аэродром так же, как он знает авиатехнику и особые случаи в полёте! Кто-то же его этому обучил! Почему остальному научить не можете?

— Ну так, он же... Что не полёт, то ошибка! — слышу я трошинский голос.

Однако полковник эту фразу моего командира экипажа уловил тоже – микрофоны в новых телефонах ТА-57 очень чувствительные. Это не телефоны старые, допотопные, у которых трубка кладётся поперёк коробки и в которые орать надо: «Алё! Алё! “Тополь”, “Тополь”, я – “Песец”! Танки справа, нам п*здец! Алё! Бл*дь, вы меня слышите? Алё! Ёб*нный “Тополь”!! Алё!!!»

И из Рогани снова заорали так же, как тот ещё пока недобитый “Песец”:

— Так, поэтому вы его и не планируете, что у него бывают ошибки?!! А у кого их нет? Может, ты, Мельников, летаешь как господь бог? Это кто там у тебя умничает рядом с тобой? Трошин? Вы что там, совсем с катушек съехали и п*зданулись? Испугал меня твой Трошин курсантскими ошибками! Я знаешь, сколько их на своём веку

перевидал? И стойки шасси на посадке мои курсанты сносили⁴, и капотировали на пробеге, когда на самолётах вместо носового колеса задние дутики ещё стояли, и винты гнули! Ну и что?! Получил от комэски выговорёшник, за крылом курсанту надавал п*здюлей⁵ и снова учу

его, мудозвона, летать! И выучил! Всех! Почти два полка у меня поставленных на крыло пилотов будет! Вот сколько я лично лётчиков подготовил! Вам столько и не снилось! Ни одного человека по-нелётной я не списал! А у нас у иных инструкторов считается куражом: чуть что – отстранять подчинённых от полётов, хоть одного курсанта за период обучения да списать по-нелётной. Перечеркнуть кому-то жизнь, власть над ним свою показать! Так вот! Я ни одного своего курсанта не списал! Ни одного! Вернее, списан только один, и то не мной! Но там – крайние обстоятельства, аварийный случай. Из Особого отдела пришла настоятельная «рекомендация», по сути – форменный приказ: списать любой ценой! А курсант этот у меня уже в зону на сложный пилотаж подготовлен тогда был вылететь самостоятельно! Как комэск ситуацию уяснил?

— Понимаю!

— Я генералу перед контрольным полётом с этим курсантом на списание так и сказал: «Дисциплинирован и исполнитель. Летает хорошо. Всё схватывает быстро. Пилотажные навыки устойчивые. Авиатехнику знает на “отлично”. Хотите списывать – списывайте! А я, товарищ генерал, свою работу перечёркивать не буду!» Начальник училища мне: «Как лётчик за твою позицию тебя хвалю! А как летает – сейчас поглядим!» А после контрольного полёта с тем курсантом подходит к комэске и ко мне, и, пока курсант из кабины выбирается, тихонько нам говорит: «Да! Толковый парень! Летает он у вас здорово! Ничем его в воздухе не проймёшь! Хороший был бы лётчик! Все бы так летали! Но...» — и глаза поднимает кверху. Представляешь, как должен курсант с генералом отпилотировать, чтобы получить такую

оценку! А курсант подошёл, начальник училища в сторону так выдохнул, вроде как через совесть свою переступил, и на него как напустится: «Почему высота гуляет! А скорость в верхней точке петли! А направление при пилотаже: ввёл в петлю с одним курсом, а вывел под двадцать градусов!» (А у нас были курсанты, что и под девяносто, и под сто тридцать, и даже на сто восемьдесят от курса ввода из петли выводили из-за некоординированного движения рулями и гироскопического момента винта – и ничего, никто никогда их за это особо не драл – просто ошибка на пилотаже! А тут целых двадцать градусов! Ты посмотри на транспортире: эти двадцать градусов и не увидишь!) А генерал продолжает: «Почему за температурой масла [двигателя] на пилотаже не следишь и поздно створки [капота] прикрываешь! (Как будто на пилотаже курсанту до температуры! Это с опытом приходит! Тогда за температуркой масла и в воздушном бою посматриваешь. «Поздно прикрываешь!»! Но ведь прикрыл же! Сам!) Ждёшь, чтобы масло в радиаторе застыло? Как тормозишь после посадки! Как заруливаешь! — Курсанту и слова не даёт вставить в своё оправдание: что, мол, его ошибки по скорости, по высоте и по направлению пилотажа укладываются в нормативы на оценку «хорошо». — Почему пререкаешься сейчас со мной?! И комэске: — Списывать, к чёртовой матери!» Комэск берёт под козырёк: «Есть, товарищ генерал!» Начальник училища на меня ожидающе смотрит. Я руку к пилотке: «Разрешите идти, товарищ генерал?» Начальник училища покачал головой, кашлянул в кулак: «Упрямец! Иди, учи своих питомцев дальше!» А потом всегда здоровался со мной за руку, по службе продвигал! Понял? Мне

потом этот курсант, Миша Бажанов его звали, прощаясь, говорил: «Да знаю я, товарищ лейтенант! Это всё из-за моего старшего брата! Эх!..» А генерал разбился через несколько лет после этого. С курсантом погиб, пытаюсь спасти его. У них там, на спарке на кругу двигатель стал, а курсанта в передней кабине заклинило – прыгнуть не смог! И генерал курсанта не бросил, хотя, как ты знаешь, из задней кабины положено сигать первым

6

! Пошёл на вынужденную [посадку]. А во ржи колхозники (мудаки!) борону оставили – по глупому случаю как раз в том месте, где они приземлялись! Самолёт перевернулся и взорвался... Вот так!..

У меня перехватило дыхание и на глазах навернулись слёзы.

— Почему я это тебе рассказываю о генерале? Потому что человек был! Настоящий лётчик! Он бы и моего Бажанова ни в жизнь не списал, если б ему не приказали! Мельников, понял?..

Богослов И. Е.
1940—1943 гг.

••>> [Остановимся в этом месте. Сделаем отступление. Если это было в Чугуевском военном авиаучилище лётчиков, то, скорее всего, речь идёт о начальнике авиашколы комбриге Богослове И.Е., человеке с невероятно трудной судьбой.

Участник Гражданской войны. В 1937 г. по подложному обвинению он арестовывался органами НКВД, провёл несколько месяцев под следствием, осуждён военным трибуналом к заключению, лишён наград и воинского звания. В 1940 г. освобождён из мест лишения свободы, реабилитирован, ему возвращены два Ордена Боевого Красного Знамени, воинское звание «комбриг», восстановлен в рядах РККА. Назначен начальником нашего училища. Однако с присвоением персонального воинского звания не спешили. Видимо, за реабилитированным внимательно наблюдали. Имеется фото Богослова И.Е. 1943 г. в генеральских погонах. Значит, не арестован, по службе пошёл. Погиб при исполнении служебных обязанностей...

Много лет я ищу сведения об этом замечательном лётчике. Пока безрезультатно! В

Интернете сведений о нём нет никаких!.. Если полковник Каменский рассказывает именно об этом человеке, то теперь мы знаем, как он самоотверженно погиб... Склоним головы перед этим Человеком!..] << ••

Между тем полковник Каменский продолжал разоряться по телефону:

— А остальные мои курсанты все стали лётчиками и, между прочим, неплохими! Ясно? Они мне до сих пор за науку благодарны, хотя и п*здел некоторых за хвостами самолётов! Все приходят в училище, находят меня и благодарят, коньяки со мной х*ярят! Потому что относился к ним строго, но был во всех случаях справедливым, всегда защищал своих учлётов! А вы там что? Думаете, Кручинин вас потом помнить будет? Хорошим словом помянёт за придирки ваши ёб*ные? Х*й вам с болтом! Я приеду и яйца вам дверью поприжимаю⁷! Давайте вообще не летать – и ошибок у ваших курсантов ни х*ра не будет! А вы в отличниках будете ходить, и будете думать о себе: ах, какие мы хорошие инструкторы, ах, какие хорошие! Хороший инструктор – это когда нет грубых – грубых! Ты понял? – грубых ошибок у курсанта, который имеет большой налёт! Уяснил? И, как следствие: потому-то и ошибок нет, что подчинённый много летает!..

«Ёк-макарёк! Это же то, о чём и я думал! — мелькнуло у меня. — Он же мои мысли озвучивает!»

— ...Старый закон: учлёт больше летает – больше опыта – меньше ошибок! И наоборот: курсант не летает – опыта с гулькин х*й! И ошибок – как слон каждый раз с*рит! Знаешь, сколько слон г*вна выдаёт за раз? Поинтересуйся в зоопарке у рабочего, что за ним убирает! А то все спрашивают, сколько слон съедает, и ни один не спросит, сколько он на пол выкладывает обратно! Работать должно старое правило: «Курсант жив, самолёт цел – полёт удался!» Всё!

— Скажите ему про баб! — между тем подсказывает Трошин – больше мне в вину поставить было нечего!

Это полковник тоже услышал.

— Не надо мне ничего говорить!! — вскрикнул полковник из Рогани. — Слышать ничего не желаю! Он что у вас, с бабами самогон п*здячит? На полёты пьяным приходит?

— Да нет, Кручинин не пьёт, — потеряно говорит Мельников.

— Так, какого же х*я вам ещё надо?!! — искренне удивляясь, снова заорали из Рогани так, что я даже трубку чуть отстранил от уха. — Да вы такого курсанта в ж*пу должны целовать, пылинки с него сдувать, что он вам пьяное ЧП не подсунет и пороть вас за него не будут!..

«Вот-вот-вот-вот-вот, товарищ полковник! Совершенно в дырочку!»

— По бабам у него курсант ходит! Ты посмотри! Мудак твой Трошин!! Понял, Мельников? Так ему и передай! Вот уж удивил он меня! Я тебе с твоим Трошиным сейчас открою страшную тайну! Страшную! Наши подчинённые устроены так, что тоже еб*ться хотят! Ясно? Вот такая тайна! У них тоже х*и стоят! И у курсантов, смею тебя уверить, стоят получше, чем у вас, с Трошиным вместе взятых! И яйца у них есть! Они тоже и помоложе, и побольше ваших будут!

— Почему это, «побольше»? — не к месту удивляется мой инструктор, по-видимому, искренне обижаясь на полковника.

Я сдерживаю хохот, чтобы не пропустить ни одного слова.

— Кручинину ведь надо свою сперму куда-то девать! Вы об этом не думаете! Себя

забыли в курсантском возрасте? Или вам еб*ться хочется, а ему только мастурбировать? У вас там что, мужской монастырь, еб*на вошь? Ну, сходил твой подчинённый ночью налево, трахнул бабу, двух или трёх! Да пусть даже десяток! Ёб! У него и у них не сотрётся! Вернулся курсант тихо, трезво и вовремя, не подхватил гонорею – что вам, бл*дям, ещё надо? Заложил кто по злобе своей или из зависти – скажи стукачу спасибо, пожми его сволочную ручку – чтобы информация дальше не пошла, – а с подчинённым сделай вид, что ничего об этом не знаешь! На глазах у стукача отведи Кручинина в сторону, отпори негромко... ну, я не знаю за что! Да хотя бы за плохую заправку постели – пусть стукач видит, что вы его дерёте, пусть гнида, порадует. Ибо некоторые стыдятся подлости только тогда, когда не удалось довести её до финала. Вот и вся воспитательная работа! А курсант, что бабу выеб*л, спокойней же потом будет! Вас станет лучше слушаться! Уважать, любить и всегда по-хорошему помнить будет таких командиров, которые не придираются на каждом шагу, а закрывают глаза на такие мелочи, как его ебл*! Это для вас мелочь, а для него проблема: кого, где и в какой позе трахнуть, и как вернуться после ох*енного оргазма по-тихому, чтобы ты да твой мудило Трошин не узнали!

— Понято, товарищ полковник!..

— Нам педагоги кричат: в 14-16 лет у подростков – «переходный возраст», да «переходный возраст»! А что тут переходного?! Да им всем в эти годы уже еб*ться вусмерть хочется! Да не с кем! Вот он и становится неуправляемым! А как научился соблазнять, нашёл, кого натягивать да куда спускать, сразу и переходный возраст кончается! А вы курсантов искусственно загоняете в «переходный возраст»! А им всем – по 18-20 лет, гиперсексуальность, самый сок! Вы что, книжки не читаете? Что я вам такие простые вещи рассказываю?! Да я, если б в моей власти было, приказал бы каждому курсанту по бабе каждую ночь выдавать! По ведомости! Под роспись!

— Я вас понял, товарищ полковник!

— Передай своему мудаку Трошину: будет так работать с курсантами – капитанского звания ему не видать! Так, бл*дь, и засохнет вечным старшим лейтенантом на вечной инструкторской должности! Лично за этим прослежу, бл*дь! Ты меня понял? Кручинин и другие на завтра у вас спланированы?

— Пал Николаич, я посмотрю!

— Если нет – переделать всю плановую таблицу! Слышишь меня, Мельников?! Всю плановую! А Трошин пусть лично идёт к Рассадкову и сдаёт за своего подчинённого район полётов – если сам научить не может!

— Есть!

— И спланировать! Спланировать всех этих п*здёнышей: Кручинина, Булыгинова, Ровенского, Белобородько, Щербакова, Рубана, Ласетного, Пузачёва... Кого ещё?.. И... и других ушастых, которые у вас не летают лишь потому, что еб*ться хотят!

— Будет сделано!

— Завтра отчитываешься по их полётам! Всё, Володя! Давай!

— До свидания, товарищ полковник!

«Боже, как интересно! М-да! Человечество всю жизнь любило чужие тайны!» — подумал я, улыбаясь, кладя трубку в гнезда телефонного аппарата и переваривая слышанное. И никакого осадка на душе, что подслушивал! Можешь осудить меня за это, мой дорогой дневничок!

Затем, долго не раздумывая, с корнем вырываю исписанные мной с двух сторон

листы из рабочей тетради дежурного и быстро прячу их в карман.

«Ч-ч-чёрт! У одного только этого полковника Каменского – целых два полка подготовленных лётчиков! И ни одного курсанта не списал! Ну, кроме того Миши. Ах, какая умница! Вот это лётчик! Такой и медведя может научить летать, и мартышку! Настоящий инструктор! Но какие раньше курсанты козлы были – стойки шасси ломали! А стойки снести можно, только если садиться с большим скольжением! У нас наши ни одну стойку не подломили! Или там, на самолётах винтомоторной группы посадка была посложнее? И генерал... Ай да генерал! Курсанта не бросил... Погиб! Жалко!.. А я бы так смог? Или сказал бы: “Ну, не прыгнул – ну и х*й с тобой! Чего мне с тобой погибать?!” И преспокойненько катапультировался бы?.. Колхозники те – бараны дебилные!.. Нет! Курсант не прыгнул из передней – надо идти на вынужденную! Сам он не посадит! А я – генерал! Я воевал! У меня опыт! Не на всех же полях размандя бороны оставляют... Нет-нет, прыгать нельзя! Надо вдвоём идти на вынужденную! И аккуратненько сажать спарку! Потому что в другом случае... В другом случае в живых-то, может, я и останусь, но как с этим жить? Как посмотреть его родителям в глаза? Как объяснить, почему взлетали вдвоём, но я, генерал, начальник училища – живой, а он – погиб? Как потом простить себе такое – кровь курсанта на руках? А где кровь, там и грязь!..»

За стеной тем временем «разбор полётов» продолжился.

Мельников (на повышенных тонах):

— Ну что, Трошин! Доотстранялся, ё* твою мать! Что ты хочешь доказать? И главное – кому! Мне? Каменскому?.. Кручинину? Думаешь, ты его обломаешь? Думаешь, он перед тобой заискивать станет? Ты ещё не понял, что такие не заискивают? — у меня от удивления округляются глаза. — А теперь иди к своему Кручинину, бл*дь, и рассказывай ему, почему он, мудило, отстранённый тобой и Хотеевым от полётов, завтра летает!

— Но ведь можно планировать Кручинина, а летает пусть Передышко!

— А если Передышко завтра по какой-то причине катапультируется или, не дай бог, погибнет! Как ты потом объяснишь следователю, почему в плановой <таблице> запланирован один курсант, а погиб другой? Или ты думаешь, что Кручинин воспладет к тебе, такому хорошему, любовью, скажет, что он уговорил Передышко полетать вместо него и вместо тебя сядет на скамью подсудимых?

— Но, товарищ командир!.. — Молчать!!! Слышать ничего не желаю!! — гаркнул комэск фразу, которую только что услышал по телефону от Каменского. — Я сейчас из-за тебя п*здюлей отхватил! И это только начало! Если в Рогани нашего полкача натянут по первое число на совещании у генерала – нам здесь мало не покажется! Год во всех докладах вспоминать будут! И на совещаниях я буду: «встать – сесть», «встать – сесть», «четвёртая аэ», да «четвёртая аэ». А потом каждую плановую на проверку в штаб таскать... А ты самому себе плюнул в лицо! И очень смачно! Понял? Вот сам и утирайся от своего же плевка! Я тебе морду вытирать от твоих слюней не буду!

Воспитатель х*ров!

Голос Юры Рассадкова:

— Валера, из-за тебя и мне тоже досталось! Я вот сижу рядом и всё слышал! И моя фамилия у Каменского теперь на памяти! А это не к добру, поверь! Он – лётчик божьей милостью и отличный инструктор! Незлопамятен, но то, что обещает, всегда выполнит! Так что, смотри! Ты у него сейчас на карандаше! Хочешь расти по службе – поменяй своё отношение к курсантам! Я же тебе говорил: ну летает и пусть летает! Не трогай ты его! Командир прав: не обломаешь ты такого, поверь, а только сломать можешь! И тогда

хорошего лётчика, личности из него не получится. Не так уж он у тебя плох, твой Кручинин! Ты плохих курсантов ещё не видел! Когда твой подчинённый чуть ли не ежедневно в самолёты ходит, пьяным в дупель возвращается и не куда-нибудь, а прямо на полёты! И в кабину лезет – удаль свою пьяную в воздухе всем показать! Ты ему слово – он тебе двадцать в ответ! Чуть ли не на хрен посылает! Тебя порют за него всюю, а ты ничего сделать не можешь! Потому что у этого курсанта папа – какая-нибудь шишка в Москве или Киеве! Он этим и пользуется! Вот что такое «плохой курсант»! Так, знаешь, как я учил таких?

— Как?

— Сажаю его в переднюю кабину, а сам в заднюю. А потом в зоне пилотировать ему не даю, чтобы он не отвлекался пилотажем, а концентрировал внимание на своих ощущениях. И сам кручу без передыху несколько комплексов подряд с максимальной перегрузкой. Максимальной! Ты понял? Сколько сам можешь выдержать! До его пьяной блевотины! Ему и так плохо! Очень плохо! А тут я, когда тяну на очередную петлю, вдобавок спрашиваю по СПУ: «Тёплое сало хочешь?» Здесь уж вся выпитая водка и весь закусон на приборную доску выкладываются! После посадки он выползает из кабины никакой, весь зелёный. Только и твердит одну фразу: «Нет, пить надо завязывать!..» Да ещё кабину от рвоты своей товарищи-курсанты, что за ним летят, заставят его же вылизать... Вот тогда он и начинает соображать... А Кручинин твой – просто золото!

Трошин:

— Золото! Самоварное! Умный слишком, этот Кручинин! Болтает много. Да не про кого-нибудь, а про своих командиров: тот не то сказал, тот не так сделал... — по-видимому, мой инструктор отошёл от стены и голос его слышен приглушённо.

— А что болтает? Ты слышал? От него слышал? Или кто заложил?

— А что, он при мне будет говорить? Он при своих языком чешет...

— А ты меньше слушай то, что тебе передают! Мне вон тоже один нашептал, что после полётов со мной, ещё на вывозной программе, Кручинин в курилке курсантам про меня такое сказанул! Что, мол, я, как инструктор, в полёте – дундук, ничему научить не могу! И это курсант якобы говорит на вывозной, когда сам ещё ничего толком не умеет! А тут после этого сообщения твой Кручинин подходит зачёт по району [полётов] сдавать. Я его чуть не растерзал! А потом вечером свои записи открыл, посмотрел, а я с твоим Кручининим с апреля, когда они приехали, по август включительно вообще не летал! Ты понял? Первый полёт был только в сентябре! И подумал: почему это те слова Кручинин вроде бы говорил на вывозной в апреле-мае, хотя я с ним не летал, а информация об этом до моих ушей доводится только сейчас? Значит, какая-то кошка пробежала между двумя курсантами в эти дни! Вот один и хочет нагадить другому, расправиться, значит, моими руками. Смекаешь? С Галагой-то я летал, и не раз! Вот он подумал, что я и с Кручининим летал. А тут такая промашка вышла! На днях этот Галага мне тоже стал передавать, что Кручинин про меня с курсантами говорит. Я сперва озлился, а потом вспомнил тот случай. Сразу и успокоился. Да и потом, глядя на твоего Кручинина, решил, что не может он такие вещи говорить про тех, кто учит его летать! Ну, не может! Понимаешь? Не то у него воспитание! Или тогда я в людях ни черта не разбираюсь!

— Ну, если Галаге, его командиру отделения, не верить! Кому же тогда верить? Он же его как облупленного знает!

— Вот видишь, опять Галага! Ты же не знаешь, какие отношения у него с

Кручининым! А если плохие, чего твой Кручинин будет свои сокровенные мысли при нём высказывать? Ты же сам говоришь, что он у тебя не дурак!

«С-с-сука! — подумал я с негодованием о Румыне. — Убью гада! А я думаю, что это он в Круче однажды всё допытывается: летал ли я с Рассадковым или нет? Я, чтобы отвязаться от него, и сказанул ему: «Летал, летал!» Вот он для чего это выспрашивал! Гадина! Ничего нет, так эта гнида придумывает, а потом хватает совести подойти и нашептать! И спит после этого спокойно! Какая совесть? У него совестью там и не пахло! Хорошо, что сейчас не 1937й год! Этот урод уже давно бы настрочил на меня донос в особый отдел НКВД! И шлёпнули бы меня за милую душу как троцкиста какого-нибудь или там шпиона десяти западных и пяти восточных разведок! Интересно, что он Трошину про меня напел?»

— Так, всё! — обрезал комэск. — Юрий Геннадьевич, с курсантов по району [полётов] спрашивать только основное! Никаких П*здюковок и Х*ёвок, которые на карте с лупой искать надо, не заставляйте опознавать! Тут Каменский прав!

— Да понятно, никто это с них никогда не спрашивал! Я говорю...

— Всё! Подошёл, спросил, как восстанавливать ориентировку будет и пусть летает! С этим ясно! Внимание, командиры звеньев! Где Хотеев? Хотееву передайте! Плановую переделать! Передовиков из неё вытереть [ластиком]. Пусть в стартовом наряде посидят! Лётчики-инструкторы для поддержки своих штанов⁸ завтра самостоятельно тоже не летают! Чтобы ни одного я в плановичке не видел! Отправим курсантов в отпуск – полетаете. Спланировать на завтра всех своих отстающих, да не по одному, а по два, по три-четыре полёта! Организовать им подготовку! Надоело за вас еб*ки из Рогани получать! Поэтому с этой минуты курсантов от полётов отстраняю только я!

— А я?! — раздался голос замкомэски Федорцева.

— Ну и ты... С моего согласия! — видимо, в этом месте Мельников улыбнулся. — Все слышали? Хотееву передайте! Всё! Выполнять! Через два часа мне плановую на подпись! Через два часа и ни минутой позже! Я посмотрю, что вы там напланировали!

«Ах, чёрт! Хотеева в штабе эскадрильи не было! Жаль он не слышал этот разговор Рассадкова с Трошиным! Жаль!»

Тут в комнате дежурного по полку появляется Пособиллов с сияющими глазами. Видно, успел – добежал и по дороге не обоср*лся. И по его виду понимаю: как мало человеку надо для счастья!

— Вот так всегда, Кручинин! — говорит старший лейтенант. — Как оргазм – так во сне, а как понос – так наяву! Спасибо, выручил ты меня!

Я усмехнулся:

— С оргазмом? Так захотелось, что аж бегом?

— Если б с оргазмом! С поносом, едрит твою!

— Ну, что вы, товарищ старший лейтенант! О чём речь! Рад был помочь! Тут было так клёво!

Пособиллов покосился на меня, потом на телефон. Догадливый! Видно, сам иногда слушает.

— Да? А с чего это у тебя вид, как у триумфатора? И кого же вы разбили под Аустерлицем, или это было при Каннах, господин полководец?

— Э-э-э! Так, журнал «Авиация и космонавтика» у вас новый! — пришлось пояснять мне и гляжу на старшего лейтенанта невинными глазами, ещё и ресницами, как дурачок, похлопал для верности.

- А! Ты в этом смысле!
- А в каком же ещё?
- Вот, Кручинин! Не ешь никогда немые фрукты!..

Вдогонку:

••>> *Радуйся хорошему! Не опускай руки из-за плохого!*

Правило курсанта № 8

••>> *Грех любопытен.*

Из записных книжек курсанта

••>> — *Ты думал, это только у вас там война? Нет! Здесь ещё страшнее, когда среди своих!*

Из худ. сериала «Лето волков»

Frangas, non flectes!⁹

<<•>> *Вакса чернит с пользою, а злой человек – с удовольствием.* Козьма ПРУТКОВ

<<•>><><•>>

<<•>>

Где лучше – здесь или там, – зависит от того, где задан вопрос.

Симон МОИСЕЕВ <<•>><><•>> <<•>> *Движение живых существ всего мира сводится к непрерывной циркуляции навоза.*

Ж. и Э.

ГОНКУРЫ

<<•>><><•>>

<<•>>

Стань Человеком в помыслах, в делах –

□□□□□ Потом мечтай об ангельских крылах! СААДИ <<•><><•>> <<•>> Кто не хочет быть фиглярлом, пусть избегает подмостков: взобравшись на них не фиглярствовать уже нельзя, иначе публика забросает вас камнями.

Шамфор Себастьян РОШ

<<•><><•>>

<<•>>

Только в государственной службе познаешь истину.

Козьма ПРУТКОВ

<<•><><•>>

<<•>>

Бессильными своих врагов всегда называют глупые.

Иоанн ДОМАСКИН, христианский богослов и философ

<<•><><•>>

<<•>>

Враг, которого я уважаю, мне приятнее, чем друг, которого я презираю.

Мартин Лютер КИНГ

<<•><><•>>

<<•>>

Глупость не была бы подлинной глупостью, если бы не боялась ума. Порок не был бы подлинным пороком, если бы не питал ненависти к добродетели.

Себастьян-Рош Николая де ШАМФОР

<<•><><•>>

<<•>>

— Ваш вахтёр – полный идиот!

□□□□ — *Да, но он на посту!* Из худ. к/ф-ма «Гараж» <<•><><•>> <<•>> — *Маловато будет! Маловато!*

Из мультфильма «Падал прошлогодний снег»

<<•><><•>>

<<•>>

— *Есть одна загвоздка: у нас нет врагов...*

□□□□□ — *Известных врагов...* Из америк. худ. сериала «Андромеда» <<<•><><•>>>

— *Плохие новости?*

□□□□ — *Нет!* Из франко-итал. худ. к/ф-ма «Мелодии подвала» <<••>> — *Перестань хныкать и начни радоваться!*

Из худ. к/ф-ма «Залечь на дно в Брюгге»

...После ужина ко мне подлетает Хотеев и с разбегу:

— Так! Кручинин! Район [полётов] выучил?

— А чего мне его учить? Для отпуска, что ли? — прикинулся я дурачком. И так лениво-лениво: — Товарищ капитан, я ж не летаю!

— Ты летаешь, еб*на вошь! Понял? Контрольный в зону на пилотаж и два самостоятельных: один по очень большому кругу, другой в зону. Для налёта!

Я на лице и вербально разыгрываю недоверчивость:

— Чего?

— Сынок, ты меня понял или нет? Ты завтра летаешь!

— Ничего не понял, папочка! «Ты самый плохой», «ты не летаешь». И вдруг на тебе, пожалуйста! Что-то случилось, товарищ капитан?

— Ничего хорошего для тебя не случилось! Так надо!

— Товарищ капитан! Кому, кроме меня, это надо? И что это так – ни с того, ни с сего? Никак из Рогани приказали, что ли? — демонстрирую я свою проницательность. И

смягчаю: — Товарищ капитан, что-то здесь не то!

— Какая Рогань? Кто приказал?! Кому ты там, на х*й, нужен?! Там, наоборот, говорят: всех размандяев от полётов отстранять как можно чаще и к самолёту на дух не подпускать!

— Товарищ капитан! Но тогда, выходит, я – не размандяй?

— Ты? Когда как! Поэтому я к комэске подошёл и попросил за тебя! — но в глаза не смотрит, опустил кэээ от меня взгляд на свою плановую [таблицу].

— В самом деле? Ну, спасибо, товарищ капитан! Век не забуду! Представляете: через десять лет встречаемся, я уже генерал и говорю вам: «А! Хотеев! Помню-помню, как вы за меня просили комэску!.. Поэтому я вас наказывать за маленький налёт у ваших курсантов не буду!..»

Хотеев жидко так смеётся.

— Инструктором в первом полёте будет...

— Только не Трошин! — закричал я. Кэээ поднимает на меня глаза. И уже спокойно добавляю: — Да ну его на хрен, товарищ капитан! Можно с вами?

— Хорошо! Полетишь со мной. Самостоятельно тебя в зону спланировать на простой или на сложный пилотаж?

— Конечно, на сложный!

— На сложный... — Равиль карандашом над значком выводит номер упражнения по сложняку. — Тогда и со мной контрольный летишь на сложный. Подготовку распиши! И командиру экипажа на подпись! Да! К штурману подойди, район полётов сдай, генерал!

— Есть!

— Кстати, ещё! Я дал команду Галаге тебя больше не назначать уборщиком в лётном кубрике!

— И это правильно, товарищ капитан! — расплываюсь в улыбке я.

И Хотеев уходит, тоже улыбаясь.

Я сияю как новая копейка. В прекрасном настроении в тетради быстро расписываю полёты: рисую фигуры пилотажа, в контрольных точках расставляю параметры (скорости, высоты, перегрузку, обороты движка).

Рядом ходит хмурый Передышко: его два полёта отдали мне, и он завтра не летает.

Ладно, Шурко, не обижайся, я тоже летать хочу!

Потом разыскиваю майора Рассадкова:

— Товарищ майор!..

— Так! На карте всё исправил? Покажи!

Ё* твою мать! А вот на карте надписи я, как раз, и не исправлял – думал, летать уже не придётся! А сейчас забыл! Идиот! Остолоп! Кретин!

Юра Рассадков тянет из моих враз окостеневших рук полётную карту с нанесёнными на ней пилотажными зонами, схемами ухода и выхода из них. Я не отпускаю карту, тяну на себя. Он – на себя, я – к себе.

— Давай сюда!

И карта оказывается у штурмана.

«Писец котёнку!»

Он вынимает её из целлофанового пакета, разворачивает. Внимательно рассматривает.

Я стою, ни жив, ни мёртв. Сейчас опять как закричит: «Трошин! Трошин! Он же у тебя неисправим! Ни хрена не делает! Ну, сколько можно! Иди сам исправляй ему

надписи!»

И инструктор с разбегу мне не куда-нибудь, а сразу – в пятак, потом ещё! И затем ногами!

— Ну вот! Совсем другой разговор! Умеешь, если захочешь! — вдруг говорит майор.

У меня медленно отвисает челюсть. А потом, задумавшись о своём, на автопилоте майор интересуется:

— Куда завтра летишь? В зону? Х*ёвку от П*здюковки отличишь?

Удивлённо таращу на него свои глаза: ведь наш штурман – интеллигентный мужик, вообще никогда не матерится! Даже в полёте!

— Что, простите, отличить от чего?

Наши взоры встречаются. Рассадков усмехнулся и поправляется:

— Я говорю: Миргород от Гоголево отличишь, не перепутаешь?

— Так, в Гоголево нет такого кинотеатра как в Миргороде! Разве тут перепутаешь? И надпись на вокзале: «Мир-го-род», а в Гоголево: «Го-го-ле-во»! — пробую балагурить я, одновременно изображая вывески на воображаемой стене. — И знаменитая миргородская лужа у нас в центре города, о которой ещё Гоголь писал!..

— Я тебе дам, «кинотеатр»! О полётах думай, а не о кино! Смотри, чтобы завтра нормально из зоны вернулся! И не блудани, чтобы не сел голой задницей в эту самую знаменитую миргородскую лужу! После пилотажа в зоне компас согласуй, не забудь! Перед возвращением не поленись и «Прибой» запроси, сравни с тем, что показывает тебе радиокompас! Будешь домой идти, на АРК почаще посматривай! Время засеки! И осмотрительность! Осмотрительность! Чтобы не сблизился ни с кем!

— Понято, товарищ майор! Вы – самый замечательный инструктор, которого я знал! Помните, вы у меня в сентябре были инструктором в зону на групповую слётанность! Я многое с того полёта взял! Я всем курсантом про тот полёт рассказывал! Чего вы со мной раньше не летали на вывозной программе?

— Да? Хорошо! Полетаем ещё!

И майор, улыбаясь, расписывается в моей лётной книжке о сдаче зачёта по району полётов, поставив оценку «хорошо». Ставить «удовлетворительно» – по установленному в авиации порядку допускать с такими знаниями к полётам нельзя, на «отлично» – даже ангелы-архангелы и штурмана не знают район! Поэтому «хорошо» – стандартная оценка для курсантов, да и для лётчиков.

Выйдя из штаба эскадрильи, я полной грудью облегчённо вздыхаю, прислоняюсь к стене, стекаю по ней на корточки и начинаю дико хохотать. Достал их всё-таки из Рогани полковник Каменский!

Мимо на лестничной клетке сбегает Саня-техник. Заметив меня в коридоре, держащегося от смеха за живот, он подходит:

— Юр, ты чего?

— Ничего, Санёк! Рожая я! От смеха!

— Ну, расскажи! — и Саша, предчувствуя что-то смешное, улыбается своей великолепной улыбкой и приседает рядом.

Я вкратце излагаю, как Рассадков, задумавшись, спрашивает про Х*ёвку и П*здюковку. И мы хохочем вместе.

Отсмеявшись, поднимаемся с корточек. Саша полуобнимает меня за поясницу, вкладывает свою ладонь за мой ремень, а я в ответ кладу свою руку ему на плечи и мы, как закадычные друзья, идём к лестнице, а потом спускаемся на этаж вниз.

— Знаешь, я письмо из дому получил. Отец пишет, что уже всё договорено: я приезжаю и мне уже место в техникуме забронировано!

— Правильно, Саша! Обязательно учишься! Сперва техникум, потом ВУЗ! Это никогда лишним не будет! Медицинская статистика утверждает: высшее образование в среднем увеличивает продолжительность жизни человека на пять лет! Два высших образования – на десять лет! Три – на пятнадцать!

— Вот здорово: учишься в течение жизни потихоньку – и будешь жить вечно!

— Ну, вечно, допустим, не обязательно! А пока можешь сам за собой смотреть, обеспечивать! Я считаю: умирать надо молодым, не дряхлым! Без гниения!

Мы заходим в помещение, где стоит тот самый старейший стол, за которым обычно готовимся к полётам. Я становлюсь коленками на скамью буквой «зю», разворачиваю свою карту и начинаю исправлять величину шрифта в надписях. А Саня, рядом в той же позе, рассматривает карту и удивляется:

— Что ты делаешь?

— Готовлю карту к полёту в зону.

— Ты же стираешь надпись, а потом то же самое пишешь!

— То же, да не то же! Шрифт надписей на полётных картах лётчиков должен быть семь тире двенадцать миллиметров! — поучительно говорю я, немного важничая перед другом.

— А у тебя шрифт какой был?

— Тринадцать!

— И вот это ты из-за одного миллиметра всё переделываешь?

Я киваю.

— Юр, — просит сержант, — расскажи какой-нибудь смешной анекдот!

— Анекдот? Ну, юноша, слушай!

Продолжая работать над картой, повествую:

— Идёт путник по пустыне. Много дней идёт, есть и пить «хоца», совсем из сил выбился. Вдруг видит – пальма, а на ней яблоко растёт! Большое такое, сочное, спелое!..

— На пальме? Яблоко? — недоверчиво округляет глаза Сашок. — Как такое может быть?

— Это же анекдот! Темнота! Ну, мужик бегом к пальме! Только подбегает, а из песка выскакивает ж*па, хватя яблоко и назад, в песок! Мужик (удивлённо): «Что это было?» Ж*па (высунувшись из песка и жуя яблоко): «Что, что! Антоновка!..»

Саня, а потом вместе с ним и я, начинаем дико ржать.

На наши вопли заглядывает капитан Барановский:

— Кириллов! Ты здесь регочешь? Петренко твой подчинённый? Иди сюда!

Нашего веселья как не бывало.

— Ладно! Пока! — нехотя говорит Санёк, потрепав меня по голове.

— Саша, подожди!

Я вспомнил, что у меня в кармане есть конфеты, из посылки, что получил давеча из дома. Всем экипажем мы уже почти всё слопали. А вот несколько шоколадных батончиков осталось. Достая гостинцы и угощаю друга. Знаю: он у нас сладкоежка!

— Спасибо, Юрик! — расплывается в довольстве Саша и берёт только одну конфетку из пяти, протянутых мной.

— Бери-бери! Бери всё!

— Да нет! — скромничает парень.
— Бери! Это тебе! Посылку из дома получил.
— Спасибо! Пока! — и Саня уходит.

Вдогонку:

••>> Пусть меня не покинут друзья –
□□□□ Больше мне ничего и не надо!
□□□□ Лишь они были б рядом всегда –
□□□□ Это лучшая в жизни награда!

□□□□ Я судьбу каждый миг всё молю,
□□□□ Что друзей мне таких вот дала!
□□□□ Если помощь откуда-то жду,
□□□□ От друзей – и придёт мне она!

□□□□ Что ещё в жизни этой важней,
□□□□ Что ты нужен кому-то, не вдруг?
□□□□ И ответа не будет честней:
□□□□ Это друг, только друг, только друг!

□□□□ Я судьбу каждый миг всё молю,
□□□□ Что друзей мне таких вот дала!
□□□□ Если помощь откуда-то жду,
□□□□ От друзей – и придёт мне она!

□□□□ Благодарен я, боже, тебе,
□□□□ Благодарен тебе, и судьба,
□□□□ Благодарен, что в жизни моей
□□□□ Есть они, вот такие друзья!

□□□□ Я судьбу каждый миг всё молю,
□□□□ Что друзей мне таких вот дала!
□□□□ Если помощь откуда-то жду,
□□□□ От друзей – и придёт мне она!

□□□□ От друзей – и придёт мне она...
□□□□ В благодарность вам песня моя...

Слова и музыка Сергея УЛЬЯНОВА

А я, завершив работу с картой, подрулил с тетрадью подготовки к Трошину. Валерий Иванович был мрачнее тучи. Он в кубрике лежал на своей коечке с закрытыми глазами и с правой рукой поперёк лица. На него сегодня наорал командир эскадрильи в присутствии многих пилотов! Чёрт!

— Товарищ старший лейтенант! — вкрадчиво, чтобы не напугать, позвал я

инструктора.

— А! Это ты! К полётам подготовился? Расписал подготовку?

Я думал, «шеф» станет придираться. Но он подписал, не глядя, чего я там наготовился.

Мне показалось, напиши я в своей тетради: «Старшего лейтенанта Трошина немедленно расстрелять!», он бы и это сейчас подписал!..

Вдогонку:

••>> *Я вам нравлюсь? Вот и прилагайте усилия сами... Я за вас за мной бегать не буду!* Из записных книжек курсанта

••>> — *Да, я заслуживаю упрёки, но я искренне благодарен за понимание и терпение!*

□□□□□ — *Обмен дипломатическими любезностями! Знаешь, что такое дипломатия? Это искусство говорить: «милый пёсик», пряча за спиной палку.* Из америк. худ. сериала «Андромеда»

Нис terminus haeret⁹ 🍷

<<•>> *Неудачники верят в удачу, люди удачливые верят в себя.* Альфред ДАНИЭЛЬ-БРЮНЕ

<<•>><><•>>

<<•>>

Последняя иллюзия – вера в то, что ты уже потерял все иллюзии

Морис ШАПЛЕН

<<•>><><•>>

<<•>>

Скромным человеком, как правило, восхищаются, если кто-либо что-либо о нём слышал.

Эдгар ХАУ

<<•>><><•>>

<<•>>

Завещаю: ни в чём не усердствуй,

□□□□□ □□□□□□ *Во всём выбирай середину,*

□□□□□ □□□□□□ *Тот же увидишь успех, что и трудясь тяжело.* ФЕОГНИД <<•>><><•>> <<

•>>

Быть опровергнутым – этого опасаться нечего; опасаться следует другого – быть непонятым.

Иммануил КАНТ

<<•><><•>>

<<•>>

— Я видала такую чепуху, по сравнению с которой эта чепуха – толковый словарь!

Льюис КЭРРОЛЛ «Алиса в стране чудес»

<<•><><•>>

<<•>>

Я не оспариваю право distinguished джентльмена время от времени изливать из себя правду.

Уинстон ЧЕРЧИЛЛЬ

<<•><><•>>

<<•>>

Тот, кто взглянул на солнце и затем посмотрел на себя, видит, что наполнен не чем иным, как солнечными лучами, и он восклицает: «Я – солнце!»

АЛ-ХАЛЛАДЖ

<<•><><•>>

<<•>>

Все неприятности, которые злейший враг ваш может высказать вам в лицо, ничто в сравнении с тем, что ваши лучшие друзья говорят о вас за спиной.

Альфред де МЮССЕ

<<•><><•>>

<<•>>

Как о себе не рассказывай, за спиной расскажут интереснее...

Из записных книжек офицера

<<•><><•>>

<<•>>

Будь тем, кем хочешь казаться!

Правило курсанта № 25

<<•><><•>> <<•>> *Лучше быть центром внимания, имея скандальную репутацию, чем находиться в примитивном стаде осуждающих!* □
Из записных книжек офицера

<<•><><•>>

<<•>>

— *Пока тыходишь в мою рубку, дышишь моим кислородом, тыходишь в мою команду. А моя команда должна работать вместе, без исключений!*

□□□□□ — *Работать как одна команда? С кем? Они любители, дети! А ты – анахронизм! Ты не представляешь, как беспощадна стала Вселенная! И я не позволю узнать это за мой счёт!* Из америк. худ. сериала «Андромеда» <<•><><•>> <<•>> — *Лишь самый глупый и самый умный не могут измениться!*

Из худ. сериала «Семь жён одного холостяка»

<<•><><•>>

<<•>>

— *Скорее, скорее, князь, возвращай меня обратно!*

□□□□□ — *Через три минуты всё будет готово!* Из худ. к/ф-ма «Иван Васильевич меняет профессию» <<•><><•>> <<•>> — *Мы все идиоты, поэтому так жить неинтересно.*

Из худ. к/ф-ма «Доктор Хаус»

<<•><><•>>

<<•>>

— *Все люди ведут себя как идиоты. Просто некоторые это о себе знают, а остальные – нет. Добро пожаловать в ряды интеллектуальной элиты.*

Из худ. к/ф-ма «Большая телега»

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки

(по пятибальной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!

¹ Переиначенный перепев куплета песни эстрадной певицы Майи Кристаллинской: «Я ждала и верила, //Сердцу вопреки. //Мы с тобой два берега //У одной реки».

² Колупаться в ж*пе (неценз.) – делать множество пустяковых дел, бесполезно

тратя время.

³ При п*зде кувшинчик (*неценз.*) – актёр, играющий преимущественно второстепенные роли.

⁴ Снести стойки шасси (*авиац. жаргонное*) – здесь: подломить, сломать.

⁵ Надавать п*здюлей (*неценз.*) – здесь: побить кого-либо с целью причинения ему не столько физической, сколько моральной и нравственной боли.

⁶ По условиям аэродинамической компоновки и управляемости самолёта во всех случаях первым должен прыгать (катапультироваться) лётчик задней кабины: если пилот задней кабины покинул самолёт, а передней нет, то спарку ещё можно посадить. Если лётчик передней кабины катапультировался, а пилот задней кабины не прыгнул, центровка нарушается, посадить такой самолёт с инструкторского места очень трудно, практически невозможно.

⁷ Зажимать яйца дверью (*неценз.*) – обнаружив в высказываниях собеседника скрытые противоречия, сообщить ему об этом, поставив его в тяжёлое положение, что сопоставимо с причинением невыносимой физической боли, тем самым вынудить его отказаться от выдвинутого тезиса.

⁸ Летать для поддержки штанов (*авиац. жаргон*) – по НПП каждый лётчик, в зависимости от классной квалификации имеет определённый период времени, в котором обязательно должен слетать самостоятельно для поддержки своих лётных навыков. Если эти сроки превышены, лётчик самостоятельно выпускается в полёт только после контрольного полёта. Чтобы этого не происходило, инструкторам давалась возможность летать самостоятельно по своей программе.

⁹ Frangas, non flectes! (*лат.*) – сломишь, но не согнёшь!

¹⁰ Nihil terminus haeret (*лат.*) – эта цель неизменна.